

Глава 11. Рива Гуревич.

Дом на улице Горького. Песах. 27 марта
1937 года, суббота (15 нисана 5697)

1

И был вечер.

И говорила хозяйка дома Ривка благословение, и зажигала свечи...

— Не стоит, не стоит так беспокоиться, Рива Бенционова! — отнекивался гость, между тем присаживаясь к круглому большому столу посреди светлой комнаты. Стол был покрыт свежей льняной скатертью зеленого цвета с золотистой бахромой.

Посреди стола стояло большое белое блюдо, больше похожее на поднос. Гость с удовольствием огляделся вокруг и сказал, указывая подбородком на блюдо:

— К Пасхе готовитесь, Рива Бенционовна?

Хозяйка ничего не ответила, поставила перед гостем стакан в подстаканнике и стала наливать из литрового чайника заварку:

— Вам покрепче?

— Достаточно, спасибо.

— Сахар возьмите по собственному желанию. — И Ривка поставила перед гостем сахарницу с рафинадом и щипцами.

— Боже, какая роскошь! — умильно похлопал в пухлые ладошки гость.

Хозяйка присела на стул напротив и, по привычке выпрямив спину, без улыбки посмотрела на гостя:

— Так с чем вы к нам пожаловали, Наум Израилевич?

Пожилой, лысый и гладковыбритый мужчина по-детски вытянул пухлые губы и с напускной обидой, качая головой, произнес:

— Зачем вы так, Рива Бенционовна? Я же просил вас называть меня Николай Иванович. Это ж нетрудно запомнить.

— Нетрудно, — усмехнулась Ривка. — Только что вы там себе в паспорте ни пишете, на вас посмотришь: вылитый Наум.

— Ваша правда, — и Наум-Николай вновь вытянул губы, но на этот раз, чтобы прихлебнуть чай из стакана. — Горячо! А что вы улыбаетесь, Рива Бенционовна?

— Просто не могу в толк взять, на кого вы больше похожи: на ребенка или на утку? Только не обижайтесь, ради бога!

— Да на что ж мне обижаться? Это я к вам ввалился в дом неожиданным гостем. Хорошо еще не посреди Седера¹...

— Дался вам Песах! С чего вы взяли, что мы его вообще отмечаем?

— А как же! Или вы не евреи?

¹Седер Песах — ритуальная семейная трапеза, проводимая в начале праздника Песах (еврейской Пасхи). Время проведения — вечер (после наступления темноты). Седер (иврит) — порядок.

— А вы? Ах, да, простите, Николай Иванович...

Гость нахмурился, прищурил узнаваемые глаза, насупил брови. Вся его располагающая к себе доброжелательность моментально улетучилась.

— Я, между прочим, коммунист, Рива Бенционовна. И мне все это религиозное мракобесие претит. Что ваше — иудейское, что католическое, что православное. Но, как пропагандист общества «Знание», я, конечно, разбираюсь во всех этих хитро-сплетениях одурманивания народных масс. И я знаю, что евреи, которые хоть и участвуют в социалистическом строительстве, но до сих пор еще несознательно сегодня с заходом солнца будут отмечать свою Пасху...

— Свою Пасху, — эхом повторила Ривка. Ей вдруг стало интересно, что еще выдаст «пропагандист» — вишь, какие слова знает — «претит!» Пришел, с порога передал поклон от Генделя, бывшего хозяина дома, и напросился войти. Ривка поначалу хотела сказать, что никакого Генделя знать не знает, но чем-то расположил к себе этот пожилой человек в сером твидовом костюме-тройке, элегантно сидящем на нем, несмотря на непропорционально скроенную полную фигуру с длинным торсом, короткими ногами и приличной пятой точкой.

— Не надо меня передразнивать, Рива Бенционовна. Я же видел, как вы меня обсмотрели, впуская в дом. И вы прекрасно поняли, что человек я непростой. Во всяком случае, приличные костюмы носить умею. Или нет?

— Или да! — Ривка начинала терять терпение. — Слушайте, Николай Иванович — я правильно сейчас вас назвала? — я вас не знаю. Я согласилась поговорить с вами только потому, что вы что-то хотели рассказать о Генделе. Так что давайте поскорее переходите к делу. У меня скоро муж придет с работы с детьми — мне надо на стол накрывать.

— Наберитесь терпения, Рива Бенционовна! Кстати, ваш муж на шестидневке?

— У нас вся страна на шестидневке.

— Ну да, ну да, — и гость указал на отрывной календарь, висящий на стене. — Завтра суббота, 27 марта, третий день шестидневки. Значит, не выходной.

— Да у вас зрение как у ворошиловского стрелка! — съязвила Ривка. Еще немного — и она выдернет за воротник пиджака этого «непоймикого» — уж поверьте, хватит силы! — и вытолкает через все пороги, двери и ступеньки прямо во двор, чтобы духу его здесь не было.

— Не ерничайте, — умиротворенно, не повышая тона, произнес гость. — А впрочем, как знать, как знать. Может, и ворошиловский. Вот вы, например, тоже не гнушаетесь винтовкой побаловаться и хорошо, говорят, стреляете — норматив сдали. Кстати, где ваш значок? А летом на параде физкультурников будете по Крещатику, извиняюсь, по Воровского шагать? Или с «Думкой» предпочтете выступить? — и Николай Иванович, ни капли не фальшивя, пропел: «Эй, вратарь, готовься к бою! Часовым ты поставлен у ворот...»²

Ривка положила руки на колени под скатерть, стараясь скрыть начавшуюся дрожь. Гость испугал ее не на шутку: откуда такая осведомленность?

— Вы думаете сейчас, откуда мне столько про вас известно? — словно читая ее мысли, все так же спокойно продолжил разговор Николай Иванович. — Думаете, уж не из этих ли, которые старого Генделя... Успокойтесь, Рива Бенционовна, не из этих, — после этих слов гость словно снял маску — вместо исчезнувшей улыбки и румянца, на щеках проступила какая-то нездоровая серость, под глазами затемнели дряблые мешки. Перед ней сейчас сидел старый, усталый, битый жизнью мужчина типично еврейской наружности.

«Артист!» — подумала про себя Ривка.

²Из песни «СПОРТИВНЫЙ МАРШ» (фильм "Вратарь" (1936)), музыка Исаака Дунаевского. Слова Василия Лебедева-Кумача:

Эй, вратарь, готовься к бою,
Часовым ты поставлен у ворот!
Ты представь, что за тобою
Полоса пограничная идет!

— В молодости я любил театр и с удовольствием участвовал в любительских спектаклях. Кстати, вместе с Иосифом Абрамовичем. Да-да, мы с Генделем знакомы еще с тех времен... Вы уж простите меня, Рива Бенционовна, за этот цирк... Просто... — и гость понизил голос до полупшепота. — Вы не могли бы поплотнее двери в комнату притворить? А еще лучше — давайте пересядем поближе к окну.

Ривка послушно прошла к дверям и притянула их. А потом взяла стул и они с гостем сели ближе к выходу на балкон. Между тем гость задернул шторы.

— Наверное, это большая глупость с моей стороны прийти к вам. Особенно в нынешние времена и в нынешних обстоятельствах. Но, видите ли, Рива Бенционовна, нас с Иосифом Абрамовичем связывает давняя дружба. Мы во многом в курсе дел и жизни другу друга. И, слава богу, сохранили наши отношения вопреки... Зачем я вам объясняю — вы и сами прекрасно понимаете, что это за «вопреки»... — гость замолчал и посмотрел Ривке прямо в глаза.

Ривка не отвела взгляд и утвердительно кивнула.

— Вот и хорошо, — облегченно вздохнул гость. — Кстати, если вам так проще, можете называть меня Наум Израилевич.

— Это уже ни к чему, — ответила Ривка. — Вы мне только одно объясните: зачем было поначалу называться своим именем, чтобы потом сказать, что вы теперь зоветесь Николай Иванович? В чем смысл?

— Видите ли... — гость впервые за время их беседы засмутился. — Видите ли... Возможно, я действительно перемудрил. Просто мне хотелось вначале убедиться, можно ли с вами иметь дело. Слишком щепетильное поручение мне нужно выполнить сегодня.

— И что, можно? — усмехнулась Ривка.

— Можно, — серьезно ответил собеседник. — Вы честная, мудрая и смелая женщина. А я на самом деле теперь Николай Иванович, хотя раньше был Наумом Израилевичем.

Сказав это, гость притворно захохотал, умудрившись распалить себя настолько, что стал захлебываться. Ривка не улыбаясь, ждала, когда закончится очередная актерская выходка в исполнении Лжениколая.

Отдышавшись, Николай Иванович поднялся, подошел к столу и взял недопитый чай.

— Он же остыл, давайте подгорячу, — заметила Ривка и стала подниматься со стула.

— Не беспокойтесь, — остановил ее Николай Иванович. — Погоды нынче стоят теплые. Апрель будет жарким. А я — вы же видите? — человек не худенький. Мне скорее прохладительные, чем горячительные напитки подойдут.

И Николай Иванович, отхлебывая чай, уже без всяких лишних отступлений и прибауток раскрыл перед Ривкой, как он выразился, все карты. «Все карты» заключались в том, что Наум Израилевич, вынужденный (или решивший — какая разница? — это к делу не относилось) записаться Николаем Ивановичем (фамилию он предложил «оставить за скобками» их беседы, поскольку она тоже «к делу не относилась»), был не только другом старика Генделя, но и поверенным в делах и душеприказчиком. («Да-да, не удивляйтесь, Рива Бенционовна, завещание Генделя — тоже мой ... крест. Да простит меня Господь за то, что я сейчас сказал!»)

Само собой разумеется, что Николай Иванович был в курсе желания Генделя взять в партнеры мужа Ривы Бенционовны. И, поскольку любые дела подобного рода не решаются с наскока, Николай Иванович помогал старому другу «собирать справки». («Пусть вас это не смущает, Рива Бенционовна, так принято в серьезных делах — собирать всю информацию на партнера — неважно, поставщик он, или заказчик, или компаньон».) Поэтому не «все с краю», но то, что надо знать про семейство Гуревичей — «исключительно для дела» — Николай Иванович и, значит, Гендель знали. («Кстати, я Иосифу говорил, что в этом доме все решает уважаемая Рива Бенционовна. И что она, то есть вы, будете против этой идеи. Так оно впоследствии и получилось. Но Гендель уперся: он справедливо полагал, что честнее и толковее партнеров — а в вас он тоже видел компаньона — ему не найти».)

— Извините, Николай Иванович, — перебила рассказ Ривка. — Но зачем, зачем Гендель проявлял такую настойчивость?

Рассказчик замолчал и стал покусывать губы, словно размышляя, сказать или нет. Наконец пришел к какому-то решению и даже махнул рукой — пускай!

— От вас, видимо, ничего не скроешь, Рива Бенционовна. Придется рассказать как есть: Гендель решил уезжать за границу, в США к сыну. Вы же знаете, он у него один остался — младший, Левушка. Решение само по себе непростое, а уж его реализация — отдельная история. Вам ее и знать не надо... Ведь так?

Ривка никак не отреагировала, только слегка вздернула бровь...

— Так вот, — продолжал Николай Иванович, приняв молчание Ривки за согласие. — Чтобы реализовать задуманное, Генделю надо было ... раствориться, исчезнуть на полгода...

— На полгода или насовсем? — Ривка внимательно посмотрела на Николая Ивановича. Тот отвел глаза:

— Ох, знал же, что к этому придет! Не хотел начинать этот разговор...

— Николай Иванович, оставьте причитание. Мне тоже невесело это все слушать. Да и времени у нас остается негусто: скоро мои придут. Давайте бикицер³ — ближе к теме, — горькая догадка озарила Ривку: она уже без рассказа Николая Ивановича поняла всю суть так называемого «доброе жеста» Генделя. Это понимание сделало ее одновременно и увереннее, и жестче, и она перестала церемониться с гостем.

А Николай Иванович, напротив, словно весь «спекся»: сгорбился, опустил глаза, стал суетливо потирать руки:

— Да, да... Вы правы. Гендель хотел сделать так, чтобы все сочли его мертвым и даже похоронили, и Мойша, извините, Моисей Шимонович обеспечил бы все... И поддержал легенду...

— И поехал в Сибирь. Или нет — встал к стенке, — закончила за гостя Ривка.

— Но... Иосиф Абрамович хотел все оставить вам, то есть Моисею Шимоновичу, все дела!

— Конечно! Надо же было, чтобы — как вы сказали? — полгода было все как ни в чем не бывало. А Гендель хотел сразу умереть или сначала исчезнуть, а потом умереть? —

³Бикицер (идиш) – быстро, мгновенно.

Ривка приблизила лицо к Николаю Ивановичу, пытаясь заглянуть ему в глаза.

— Ну зачем, зачем вам эти подробности?

— Для истории, чтобы быть еще умнее — вдруг в следующий раз моему идиоту предложат в долю пароход или самолет... Хватит! Давайте уже выкладывайте как есть, тем более что план не сработал. Или я ошибаюсь?

Николай Иванович окончательно сник и «раскрыл-таки все карты».

По придуманному ими с Генделем плану Мойша вводился в курс дела в течение первых трех месяцев. Причем так, чтобы уже все, кто платил за квартиру, воспринимали его за человека, «сидящего на приеме денег». Предполагалось, что и Ривка войдет в дело, поскольку на сообразительность Мойши «особой надежды не было». Там было множество нюансов: квартплату надо было не только принять, но и передать государству, организовать содержание дома и так далее, и тому подобное. На это требовалось еще месяца три, а то и четыре.

За все это время Гендель окончательно уходил в тень. При этом сомнений не было, что половину прибыли честный Мойша ему будет отдавать. А потом Гендель должен был сильно заболеть на полгода... Болеть он должен был в Москве, в больнице. Для пущей убедительности Мойша даже бы съездил навестить его один раз... не больше. А потом бы Гендель умер, и Николай Иванович привез в Киев хоронить его тело в заколоченном гробу... Мойша бы сделал все по-человечески. Мойша бы ничего не знал...

А после похорон по завещанию...

— Все, хватит, — прервала Николая Ивановича Ривка и встала. — Вы все рассказали. До свидания.

— Погодите, погодите! Рива Бенционовна, но я не сказал самого главного, — Николай Иванович схватил двумя руками Ривку за руку, чтобы удержать. — Присядьте, дослушайте, прошу вас.

Нехотя Ривка снова присела на стул:

— Ну?

— В общем, вы знаете, что Иосиф Абрамович был арестован. Так получилось, что он сейчас далеко, в поселении. Его искать не надо... Там он встретился с женщиной... так получилось...

И эта женщина нашла меня и передала записку-поручение от Иосифа Абрамовича, чтобы я передал вам деньги, которые он накопил... Часть... Они у меня... Он хочет, чтобы я вам передал десять тысяч рублей и просит у вас прощения.

— Вы что пришли ко мне с деньгами?! — Ривка испуганно вскочила со стула.

— Нет, что вы! Я ведь не сумасшедший. Деньги в надежном месте.

— Слушайте, Николай Иванович, не надо нам этих денег. Даже не вздумайте еще раз их предлагать. Клянусь святой Пасхой, если вы еще раз попытаетесь это сделать — я напишу куда следует, найду как... Нет... Господи! Вы же нас за собой потащите! Мойша, дети... — Ривка застонала. — Да чтоб вы провалились на пару с Генделем!.. Я вас сама уничтожу. Сомневаетесь?

— Ничуть, — усмехнулся Николай Иванович. Былая уверенность вернулась к нему. Он встал, одернул пиджак и, уже не мямля, не проглатывая слова, проговорил: — Спасибо, Рива Бенционовна. Я почему-то не сомневался, что вы так ответите. Генделю, с вашего позволения я передам весточку, что от денег вы отказались. А вы — я могу рассчитывать? — навсегда забудете о моем существовании и нашем разговоре.

— Так же, как и вы, Николай Иванович, забудете дорогу в этот дом и не сможете узнать ни меня, ни мою семью нигде, ни при каких обстоятельствах.

— Вы умная женщина.

— Господь вразумляет.

И они раскланялись друг перед другом, как добрые старые знакомые.

— Я вас провожу до дверей, — сказала Ривка и распахнула дверь из комнаты в общий коридор.

2

И был вечер.

И говорила хозяйка дома Ривка благословение, и зажигала свечи...

— Мама! Мы пришли! — с порога прокричал Буська.

«Слава Богу!» — подумала про себя Ривка, выходя с общей кухни и вытирая руки о цветастый фартук. Беспокойные мысли не отпускали ее с момента ухода неожиданного гостя. И — видит Бог! — едва заскрежетала пружина входной двери (надо сказать Мойше, чтобы немного ослабил — еще пришибет кого-нибудь из детей), у нее в душе все оборвалось и предательский холод возник под левой грудью (вот и дождались...). Но это был всего лишь Миша с детьми. И она, уже улыбаясь, вышла в коридор встречать своих. Вот они — ее красавцы: кряжистый приземистый Моисей с Дэвиком на руках и такой же боровичок, лицом похожий на нее, с широкой белозубой улыбкой от уха до уха Абраша, у которого под глазом убедительно наливался приличный синяк.

— Это что? — спросила она, указывая на старшего сына, но с возмущением глядя на мужа.

— Рива, можно мы сначала помоем руки, — Мойша по привычке пропуская мелочи, переходя к самому главному.

Но Ривка, обрадовавшись возможности переключиться на другую — и что особенно хорошо, действительно важную — тему, не собиралась так просто избавлять мужчин от «допроса с пристрастием».

— Руки подождут. Сначала вы мне расскажите, откуда у Абрама синяк под глазом, — Ривка стояла перед ними посреди коридора, оперев руки в бока и выставив локти.

Мойша залюбовался женой: боевая! Ей бы еще тряпку половую в руку — вот бы повеселились! — и был бы настоящий исход из Египта, вернее, из квартиры 6 дома 97 на улице Горького. Пока он размышлял обо всем этом, Дэвик на руках и Буська, прижавшийся к его боку, сохраняли молчание. Ривка, зная повадки «своих Гуревичей», тоже молчала, не меняя позы и не сходя с места. Щелкни сейчас кто-нибудь пальцами или улыбнись, они бы все — и мать, и отец, и дети — от души расхохотались. Потому что они были одной семьей, в которой каждый играл свою счастливую роль.

Наконец Мойша вздохнул и смиренно спросил:

— В комнату хоть пройти можно?

— Можно, — смилостивилась грозная мать. — Но чтобы сразу все рассказали как на духу!

И они рассказали. Вернее, рассказывал Буська, а отец кивал в нужных местах: сын с матерью присели к столу, Мойша с Дэвиком разместились на диване — «в зрительном зале».

Как выяснилось, Буська не сразу явился на работу к отцу. По дороге с Дэвиком на закорках — для «увеличения скорости передвижения в пространстве» он предпочитал таким образом выгуливать «малого», так он называл младшего брата — завернул в школу.

— Хватит хохмить! — Ривка оборвала неторопливое повествование сына, полное ненужных подробностей. — Мне приятно, конечно, что ты знаешь математику и любишь брата, но давай короче — бикицер! — ближе к делу.

Ривка непроизвольно отметила про себя, что она сегодня уже говорила что-то подобное про «ближе к делу», и грустно усмехнулась: в долгий пасхальный вечер с его бесконечной Агадой⁴ в память об исходе все эти «бикицер» были мало уместны. И правда, если бы тот злополучный фараон хорошо понимал, что на Божьи рекомендации надо реагировать быстро и однозначно, то может, и не было бы всех этих десяти казней, убийства первенцев и прочей напасти с погоней и погребением на дне морском. Ушли бы себе эти упрямые евреи (ведь все равно ушли!) и бродили бы неприкаянно по миру (ведь все равно бродили!) — и не было бы печали земле Египетской...

Ривка встряхнула головой: что за наваждения сегодня посещают ее, не иначе Николай-Наум Иванович-Израилевич еще и дурным глазом обладает ко всему прочему. Надо будет со старой Голдой потолковать, что делать в таких случаях.

— Короче, — повторила Ривка.

Короче, однако, не получалось никак. Причина, по которой Буське надо было срочно в школу, где училась вторая смена, была в том, что один старшекласник («Его имя тебе ничего не скажет», — однозначно пресек материны вопросы Буська,

⁴ Агада, или Аггада — часть Устной Торы, записанная в форме притч, историй, иносказаний.

нахмурился и склонил голову. «Бычок, чистый бычок! Еще один Мойша Гуревич», — отметила про себя Ривка, едва сдерживая улыбку) ... один старшеклассник обидел Буськиного одноклассника («Его имя тебе...» — начал было сын, но Ривка замахала на него руками, чтобы продолжал, не отвлекаясь). Обидел крепко: обозвал «жидом» — «не так, как жадину или еще кого, а по-настоящему, как еврея» — и еще «напинал».

— Напинал, это что? — спросила Ривка.

— Ну, ударил в лицо...

— Ногой?

— Нет, кулаком. Одноклассник упал, а этот его потом ногами пинал и приговаривал: «Бей жидяру!»

Ривка поморщилась: память тут же услужливо подсунула похожие картинки из прошлого.

— И что, никто этого не видел?

— Видели несколько человек из нашего класса. Это было в палисаднике, за школой.

— А почему он, этот твой одноклассник, не рассказал учительнице?

— Какой, классной, что ли? Ну, во-первых, она сама евреев не очень-то любит.

— А ты откуда знаешь?

— Знаю, и все тут. А во-вторых, после этого Изе... — ой! — однокласснику-товарищу вообще бы жизни в школе не было. Тот бы гад ему прохода не давал. А сам бы в лучшем случае отделался неудом по поведению. Или вовсе ничего бы ему не было — у него отец в исполкоме работает, начальник какой-то. Он об этом хвастается все время.

Ривка всплеснула руками:

— А тебе больше всех надо?

— Надо, — и Буська опять набычился.

Воцарилась тишина. Дэвик забрался в неснятых сандалиях на диван и, улегшись на цветастую подушку-думку, подложив под щеку ладошки, задремал. Мойша сидел рядом с младшим сыном и терпеливо ждал окончания «допроса». Мартовское яркое предвечернее солнце через открытую дверь на балкон широко заливало теплом и светом комнату.

— Ну? — не выдержала паузы Ривка.

— Я тебе уже все рассказал, — сказал Буська.

— Не все.

— А что еще?

— Главное, — и Ривка хлопнула ладонью по столу.

— Ну, значит, пришел я с Дэвиком в школу. Вызвал этого во двор. А он пришел не один. Сначала я ему надавал...

— Крепко?

— Крепко, до крови.

Ривка удовлетворенно кивнула. Сын заметил и тут же отреагировал:

— Ты тоже считаешь, что правильно?

— Ничего не правильно! — Ривка подсадовала на себя, что не смогла скрыть реакцию на рассказ сына, и набросилась на мужа. — А ты что молчишь, как истукан?

— Что я должен сказать? — оживился Мойша.

— Отцовское слово.

— Хорошо. Я говорю отцовское слово: правильно, что набил этому негодяю морду. А если будет лезть, я приду — добавлю.

— Так у него отец...

— И отцу добавлю...

Ривка настолько опешила от обмена репликами между сыном и отцом, что поначалу даже не поняла, насколько разговор вошел не в то русло. Инициативу нужно было срочно возвращать себе:

— Прекратили! Тоже мне Робин Гуды Гуревичи.

— Мама, в Советском Союзе нет ни бедных, ни богатых, а мы никого не грабим, — тут же отреагировал на слова матери Буська. Ему явно не хотелось продолжать разговор про драку в школе.

После сегодняшней встречи насчет богатых Ривка могла бы поспорить.

— Не увиливай! Мальчика, значит, избил... А синяк у тебя откуда?

— Во-первых... — начал нудить Буська, как прилежный ученик. У Ривки зачесалась рука: ей захотелось дать сыну крепкий подзатыльник, но она справедливо опасалась, что он тогда

вообще замолчит и они так и не доберутся до истины. На Мойшу надежды никакой: отец был явно на стороне сына. — Во-первых, он не мальчик. Он гад, который учится в седьмом классе...

— В каком, в седьмом?! — у Ривки не хватало слов. Ее Абраша учился еще только в пятом.

— Наш сын малышей не обижает, — не без гордости вставил замечание Мойша.

Ривка сердито махнула рукой в сторону мужа: молчи!

— В седьмом, — подтвердил Буська. — А во-вторых, с ним были еще двое, и они потом набросились на меня с двух сторон. Я просто не заметил, как прилетело. По одному у них бы ничего не вышло.

— Все?

— Почти...

— Что значит «почти»? — нехорошие подозрения захватили Ривку. Что-то она сегодня уж больно прозорливая сделалась! Вот что значит канун Песах!

— Ну, учитель подошел...

— Подошел?

— Подбежал... Вообще-то, не учитель — директор.

— А откуда он?..

— Из окна увидел. А потом Дэвик громко кричал: «Помогите!»

— Дэвик уже научился кричать «помогите!»? — не столько спросила, сколько подвела итог рассказу сына Ривка. Дальше можно было не продолжать, продолжение истории она уже знала. — В школу когда вызывают?

— Завтра после всех уроков в пять часов с мамой, — честно глядя Ривке в глаза, ответил Буська.

— А почему, интересно знать, не с папой? — вскинула брови Ривка в показном удивлении.

— Но, Рива... — затянул Мойша.

— Что «Рива»? Как морды идиотам бить — это герои Мойша и Абраша, защитники всех угнетенных. А как с директором школы беседовать, выслушивать и извиняться — для этого, пожалуйста вам, у нас есть Рива, между прочим в девичестве всего лишь Вольф.

- Мама, не надо!
- Рива, прошу тебя успокойся! Хорошо, я схожу...
- Ой, вей! Не дай Бог, Мойша! Ты еще по глупости директору лицо набьешь, или у него самого сердце не выдержит от твоего «железного» молчания... Ладно, схожу, не привыкать, — и Ривка поднялась со стула, давая понять, что разговор окончен. — Марш руки мыть, шмаровозы! Будем к столу садиться.

3

И был вечер.

И говорила хозяйка дома Ривка благословение, и зажигала свечи...

«Вернувшись домой в пасхальный вечер из синагоги, все мы, равно как и наши жены, обязаны чувствовать и вести себя как великие и сильные мира сего. Следует поставить на стол золотую и серебряную посуду, надеть самую дорогую одежду — все, чем одарил нас Всевышний. Все это — чтобы каждому видны были наши благополучие и радость, вызванные благосклонностью Всевышнего», — так предписывали мудрецы.

Вернувшись домой с работы и вымыв руки, Мойша утолил голод вместе с детьми картошкой, слегка сбрызнутой конопляным маслом (и где только Рива достает немного радости в дом?). А потом приходила старая Голда и помогала Ривке накрыть пасхальный стол.

Ибо сказано: «Следующие предметы необходимо подготовить для Седера еще до исхода 14-го Нисана: вино для всех четырех бокалов, мацу, пасхальное блюдо и все то, что должно быть на нем разложено (зроа, яйцо, марор, харосет, карпас и хазерет), соленую воду, свечи, готовые к зажиганию, бокал для каждого, кто участвует в Седере, включая маленьких детей, и большой бокал для пророка Элиягу».

Посредине поставили большое белое блюдо — единственное доставаемое только для этого дня. И раскладывали женщины на этом блюде как предписано, каждый предмет на своем месте.

Сначала зроа⁵ — заранее зажаренный кусок мяса на кости: небольшой «осколок» — как говорил Мойша, «ошметок» — от рубки говяжьей голени, на котором то, что считалось «мясом», скорее, напоминало жилы. Но для пасхального зроа за неимением ничего другого вполне подходило. В конце концов, никто не собирался есть «священного агнца». Ему было место в правом верхнем углу, если смотреть на блюдо с места хозяина дома.

Напротив зроа положили яйцо. «Крутое-прекрутое», как говорил Буська. И это было то, что он предпочел бы уже сейчас сунуть в карман куртки и убежать на улицу, пока не стемнело, с другом Колькой Чосом. Забраться на их каштан, что высился среди зарослей бузины за домом, и полюбоваться на их улицу с высоты — между ветвей каштана он на пару с Колькой наколотил доски так, чтобы можно было удобно сидеть, свесив ноги.

Первая листва еще только намечалась, но пахло так, будто каштан уже зацвел — какое-то волшебство! Наверху весенний холод чувствовался острее, ветерок слегка покалывал щеки и норовил пробраться под куртку, накинутую прямо на майку — это считалось особым шиком, главное, чтобы мать не уследила, когда одеваешься.

— А я вообще без всего, — похвастается Колька и, расстегнув пару пуговиц курточки, покажет бледную голую грудь.

А потом Колька достанет из кармана коробочку из-под монпансье — однажды мать расщедрилась и не ко дню рождения, не к празднику, а просто так, сдуру, «по наваждению», подарила ему большую жестяную коробку разноцветных леденцов. Леденцы Колька схрумкал за два дня, щедро поделившись с Буськой. А коробку оставил себе. Буська поинтересовался: «Зачем? Ты что, девчонка?» «Много ты понимаешь! — возмутился Колька. — Знаешь, какая это полезная штука!» И он оказался абсолютно прав.

⁵Зроа — это нижняя часть ноги животного или птицы или птичье крыло, которое жарят или обжигают на огне. Следует помнить, что зроа — это лишь напоминание о пасхальной жертве. Его не едят, просто кладут на специальную пасхальную тарелку — кеару.

Теперь в коробке хранились бычки от папирос и спички. Изредка в ней даже оказывались целые папиросы: Колька умудрялся стащить их у матери, которая была заядлой курильщицей. Это было, конечно, не очень хорошо. Но Колька решил, что пара-три-пять штук папирос погоды не сделают и мать не заметит, если таскать по одной.

— Будешь? — предложит Колька другу, не сомневаясь, что тот, как всегда, откажется, тем более что ни отец, ни мать у него не курили. Но на этот раз Буська, чернея фингалом под глазом, согласится попробовать. Ради такого дела Колька уступит ему даже целую папиросину. Они закурят, и Колька скажет:

— Ну, давай, рассказывай.

И Буська все ему расскажет как есть. А Колька скажет:

— Ты молодец, — и добавит: — А этот говнюк, если будет приставать, ты мне скажи: мы с пацанами хоть всему его классу хари начистим.

Колька зря словами не разбрасывался. За последний год он заметно окреп, стал еще выше, и теперь, когда они разговаривали стоя, Буське все время приходилось задирать голову куда-то вверх, чтобы докричаться до Кольки.

А еще у Кольки появились друзья, которые были старше него. Выглядели эти друзья совсем не как отличники: всегда чумазые, в садинах, в перепачканной одежде. От них устойчиво пахло табакком и даже спиртным.

Буське нравилась эта веселая и отчаянная компания, при виде которой прохожие старались перейти на противоположную сторону. На его просьбу познакомиться с пацанами Колька ответил категорическим отказом:

— Тебе нельзя. Еще рано.

— Так рано или нельзя? — набычился Буська.

— Что ты пристал! — разозлился тогда Колька. — Нечего тебе с нами делать — и все тут.

А сегодня Колька сам предложит помощь. Буська почему-то был в этом уверен. Конечно, он не станет прибегать к поддержке куреневской шпаны: со школьными проблемами он и сам разберется. В конце концов, в их классе не все такие тюти, как Изя. Но ему все равно будет приятно, и он снова предложит

Кольке познакомить его с пацанами. И Колька уже не сможет отказать.

И они будут сидеть на своем дереве и смотреть на свою улицу в заходе солнца. Улица вся еще голая, не одетая в листву. Их дом стоит наверху спуска, и им хорошо видно, как в домах, убегающих вниз, один за другим загораются окна. А потом разом вспыхнут редкие фонари по обе стороны улицы — и далеко внизу тоже зажгутся — и весь Киев засияет огнями. В навалившейся темноте будут слышны гудки автомобилей и звонки трамваев — звуки вечернего города, живущего загадочной, красивой жизнью.

Колька так и скажет:

— Красота!

И тогда Буська достанет из куртки «крутое-прекрутое» чистенное яйцо и, протянув другу отломленную половину, скажет:

— Сегодня надо съесть крутое яйцо.

— Вкусно, — ответит Колька с набитым ртом. — Вот только соли не хватает и... хлеба.

— Соль нельзя — только соленую воду: можно макать. И хлеб нельзя.

— Ни фиги себе! — удивится Колька. — С хлебом понятно: чем даром продукт переводить. А соль почему?

— Не знаю, — пожмет плечами Буська. — Папа говорит, что так предписано.

— А соленую воду можно?

— Ну да. Это вроде как слезы.

— Какие слезы.

— У евреев, которых когда-то в рабстве держали.

— Кто держал?

— Египтяне.

— Вот козлы! А мы их в школе по истории изучали зачем-то, эксплуататоров. И учитель нам ничего не сказал... Надо бы уточнить.

— Не надо.

— Почему это?

— Потому что не надо. Учитель станет выпытывать, от кого ты узнал. А про это в книге написано. Папа говорит, Тора называется. А у вас называется Библия.

— Я слышал от мамки... Так это ж религия!

— Вот именно.

— Да, ты прав. Тогда про это лучше в школе не заговаривать.

Слушай, ты ж еврей?

— Ты чего спрашиваешь? Думаешь, пока с тобой курил, украинцем заделался?

— Да я не к тому, — засмеется Колька. — Просто надо было тебе на яйцо своих слез накапать, чтобы солонее было.

— Смешно, — без улыбки ответит Буська. — Только у меня не получается плакать. У меня даже сегодня, когда в глаз досталось, слезы не вытекли.

— Молодец, настоящий пацан! Но плакать иногда надо — полезно. Так мамка моя говорит.

— Так она женщина, — резонно заметит Буська.

— И то верно, — согласится Колька. — Будешь еще курить? Только у меня одни бычки остались.

— Давай, — не откажется Буська.

И вспыхнут две искры где-то на вершине куреневского спуска, будто две звездочки, случайно упавшие с ночного мартовского неба и запутавшиеся в ветвях киевского каштана...

Вот как было бы им хорошо вдвоем с Колькой! Но мама шлепнула по руке, протянутой к яйцу:

— Это что еще такое? Седер Песах забыл?

— Ну, мама!

— Не мамкай!

— Я на улицу к Кольке.

— Так, хватит с тебя улицы. И вообще, сегодня обойдешься. Сегодня все сядем за стол как положено.

Буське было досадно, что не вышло так, как он задумал. Но он почему-то легко согласился с матерью. А с другой стороны, чему удивляться? Кому-то завтра к директору школы объясняться идти. Так что маме на сегодня переживаний достаточно. Не будем ее злить. «Не будем», — согласился сам с собой Буська. А с Колькой еще будет время потолковать. И он крикнул брату:

— Давидка! Пошли, я тебе сказку читаю.

— Вот-вот, займись младшим братом, — обрадовалась Ривка.

И был вечер.

И говорила хозяйка дома Ривка благословение, и зажигала Ривка свечи...

«...из середины его видно было подобие четырех животных, — и таков был вид их: облик их был как у человека; и у каждого четыре лица, и у каждого из них четыре крыла; а ноги их — ноги прямые, и ступни ног их — как ступня ноги у тельца, и сверкали, как блестящая медь. И руки человеческие были под крыльями их, на четырех сторонах их; и лица у них и крылья у них — у всех четырех; крылья их соприкасались одно к другому; во время шествия своего они не оборачивались, а шли каждое по направлению лица своего. Подобие лиц их — лице человека и лице льва с правой стороны у всех их четырех; а с левой стороны лице тельца у всех четырех и лице орла у всех четырех. И лица их, и крылья их сверху были разделены, но у каждого два крыла соприкасались одно к другому, а два покрывали тела их. И шли они, каждое в ту сторону, которая пред лицом его; куда дух хотел идти, туда и шли; во время шествия своего не оборачивались. И вид этих животных был как вид горящих углей, как вид лампад; [огонь] ходил между животными, и сияние от огня и молния исходила из огня...»⁶

— Мойше, что ты там бубнишь?

— Видение пророком Божественной колесницы.

— И что весь этот цирк значит?

— Рива, мы уже сто раз с тобой об этом говорили.

— Скажи сто первый, — спокойно ответила Ривка, не отвлекаясь от накрытия.

— Это запрещено толковать.

— И зачем тогда все это надо?

— Человек до этого должен дойти своим умом.

⁶Ветхий завет. Книга пророка Иезекииля (1:5-24) — «Божественная колесница» (Маасе Меркава).

— Так ты тренируешься на нас, Мойше? Иди лучше прочти Дэвику эту сказку — он все равно не поймет, зато, глядишь, уснет.

— Чтоб ты долго жила! — И Моисей пошел вместе с книгой в спальню. Открыл дверь, и в большую комнату ворвался Буськин голос: Абрам читал громко и выразительно:

Что ж он видит? — Прекрасивых
Двух коней золотогривых
Да игрушечку-конька
Ростом только в три вершка,
На спине с двумя горбами
Да с аршинными ушами⁷.

Моисей тихонько вошел в спальню и затворил за собой дверь, стараясь не мешать сыну.

— Мама, вы слышали? Вот ребенок читает то, что нужно — и красиво, и понятно, — обратилась Ривка к старой Голде.

— Девочка моя, я вижу, ты чем-то сегодня расстроена, — ответила прозорливая Голда.

— Все беседер⁸, мама. Это так, от усталости.

И они поспешили «сервировать» стол — солнце неумолимо приближалось к закату.

И лег на центральное блюдо, куда положено, марор⁹. «С мацой и горькими травами будете есть ее», — так говорил Господь о пасхальной жертве. Ривка принесла салат-латук — и это было то, что надо.

⁷П.П. Ершов «Конек-горбунок»

⁸Беседер (идиш) – хорошо

⁹Марор (от ивритского слова «мар» – горький) — это горькая зелень, которую следует есть в Пасхальный Седер. Марор символизирует горечь египетского рабства. В качестве марора берутся листья или стебли (но не корни) хасы (салат-латук), цикория или иного горького овоща, при употреблении которого в пищу произносится благословение «Сотворивший плоды земли».

И положили они на блюдо харосет¹⁰.

— Можно, я попробую? — не удержалась Голда.

— Вам можно. Только Мойше не рассказывайте... и Буське, — улыбнулась Ривка. И обе рассмеялись.

Харосет хозяйке удался на славу: Голда посмаковала, поцокала языком. И в очередной раз поблагодарила Бога за такую замечательную невестку.

И лег на блюдо карпас¹¹. И не стали женщины его пробовать — сельдерей он и есть сельдерей. А только сказали в один голос: «На новую жизнь — лехаим!»

И наконец, шестым ко всем яствам присоединился хазерет¹². И он должен был быть таким же горьким, как марор...но не марор.

— Рива, ты натерла хрен на хазерет?

— А что? Куда еще горше!

— Да, но ты его заправила, — сказала Голда, пожевав закуску.

— И что? Он перестал быть горьким?

— Нет, но он стал вкусным.

— Мама, одно другому не мешает.

— В этом ты, наверное, права. Жизнь у нас еще та, но нам нравится жить.

На самом деле на сердце у Голды было легко. Ей нравилось в доме у Ривки: у нее был порядок и... тепло. Настоящее, человеческое. И любую горечь Ривка умела приправить толикой юмора —

¹⁰Харосет — блюдо еврейской национальной кухни, представляет собой смесь орехов, сушеных или свежих фруктов, специй и сладкого вина. Харосет должен напомнить евреям о той глине, которую месили их предки в египетском рабстве при строительстве пирамид.

¹¹Карпас – это зелень, обычно петрушка, сельдерей или капуста. Он символизирует новую жизнь, так как он зеленый, и также он представляет ветку иссопа, используемую для помазания косяков кровью жертвоприношения.

¹²Хазерет – это корень хрена, который дополняет собой марор на седере. В своем названии хазерет уже содержит указание сгулы: "хазара" (חזרה) – на Святом языке означает «возвращение».

и откуда только это у нее, сироты? — так, что даже ее серьезный молчун Мойша научился шутить или, во всяком случае, делать вид, что понимает шутки. А вот ей своего Шимона так и не удалось перевоспитать. Может, где-то он и шутил, но дома, даже говоря очевидную глупость, не улыбался. И все вокруг при этом должны были тоже делать серьезный вид. И, не дай Бог, вот так запросто, как это сделала Ривка, отправить Шимона почитать вместо сказки ребенку вечную Тору — что ты! После этого вся семья стоя будет слушать Агаду от корки до корки, пока сам мудрый чтец не устанет и не начнет клевать носом.

Нет, Ривка умела и Богу почтение оказать, и в семье радость сохранить, простую, легкую — обыденную, как ветер весной, как эта первая бабочка-мотылек, влетевшая в комнату через открытую балконную дверь. Это как хрен, натертый и приправленный уксусом, присыпанный толченым сахаром.

— Ривка, прикрой дверь на балкон. Что-то зябко стало.

Стол женщины придвинули к дивану сами, решив не отвлекать мужчин — пусть лучше читают друг другу сказки. На столе появилась маца — по три завернутых в бумажные салфетки кусочка перед каждым, считая детей.

— Мойша принес, — пояснила Ривка.

Голда кивнула: не надо спрашивать. У нее есть своя тропка к раввину и к месту, где помолиться и где взять освященную мацу. У Мойши — своя. И не надо спрашивать, и лучше не встречаться, если вдруг окажется, что эта тропка одна. Времена нынче такие. За одно только то, что они сегодня накрывают такой стол, если кто-то, кому не нужно знать, узнает, они могут иметь такую неприятную беседу себе на голову!.. Но, в конце концов, Господь и так терпелив и не пристаёт к ним со своими заботами — понимает, где они живут. Надо ж хоть изредка по главным праздникам сказать ему добрые слова...

— На всякий случай, на всякий случай...

— Что вы там шепчете, мама? — окликнула ее Ривка.

— Ничего, дочка. Так, губами шамкаю, Шимона своего вспоминаю. Думаю, он сегодня немножко радуется за нас там, — и Голда ткнула скрюченным артритом пальцем в потолок.

На столе появилась бутылка красного вина и банка с гранатовым соком.

— И откуда? — удивилась Голда.

— «Каберне» Мойша принес. Сказал, кошерное.

— Я не про вино. Про сок.

— А, это я на рынке купила гранат, а Мойша надавил. У него руки кошерные, так что все в порядке.

И обе рассмеялись.

И садились за стол все, кроме маленького Дэвика, который таки уснул то ли под Буськину сказку, то ли под видения пророка.

И опускалось солнце.

И был вечер 26 марта 1937 года, 18 часов 20 минут.

И зажигали свечи хозяйка дома и старшая женщина — Рива Бенционовна и Голда Ицхаковна.

И произносила хозяйка дома благословение на зажигание свечей, не забыв, что сегодня шабат: «Благословен Ты... который повелел зажигать субботние и праздничные свечи».

Продолжение в следующем номере.